

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 10 (2020)

Содержание:

В сфере административно-правовых отношений.....	2
условия содержания в местах лишения свободы; вопросы оказания медицинской помощи в местах лишения свободы.....	2
практика Европейского Суда по правам человека.....	2
защита прав лица на качественное медицинское обслуживание, свободное от насилия и дискриминации, автономию личности, физическую и психологическую неприкосновенность	3
практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин	3
вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов.....	5
(в том числе в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни)	5
практика Европейского Суда по правам человека.....	5
В сфере гражданско-правовых отношений.....	8
право на уважение жилища (вопросы выселения)	8
практика Европейского Суда по правам человека.....	8
вопросы присуждения компенсации (возмещения ущерба) за допущенные нарушения прав и свобод человека; определение размера такой компенсации.....	14
практика Европейского Суда по правам человека.....	14
В сфере гражданско-процессуальных отношений.....	14
обязанность суда обосновать принятое решение	14
практика Европейского Суда по правам человека.....	14
право лишенного свободы лица на личное участие по гражданскому делу, стороной по которому это лицо является	16
практика Европейского Суда по правам человека.....	16
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....	17
защита права на жизнь в аспекте исполнения государством позитивных обязательств по проведению эффективного расследования	17
практика Европейского Суда по правам человека.....	17
право на свободу и личную неприкосновенность.....	26
практика Европейского Суда по правам человека.....	26
практика Комитета ООН по правам человека	27
право на справедливое судебное разбирательство.....	29
(право на участие защитника; право на конфиденциальное общение подсудимого с защитником)	29
практика Европейского Суда по правам человека.....	29
практика Комитета ООН по правам человека	30
право на справедливое судебное разбирательство (право допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, выступающих против него).....	31
практика Европейского Суда по правам человека.....	31

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

*условия содержания в местах лишения свободы; вопросы оказания
медицинской помощи в местах лишения свободы*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам № 33938/08 «**Андрущенко против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года), № 37673/16 и по 6 другим жалобам «**Иванов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2018 года), № 51876/13 и по 5 другим жалобам «**Дандаев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 8 марта 2018 года), которыми установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года² в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в изоляторе временного содержания, исправительных учреждениях и отсутствием у ряда заявителей эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека и международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека.

² Далее – Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенция.

защита прав лица на качественное медицинское обслуживание, свободное от насилия и дискриминации, автономию личности и физическую и психологическую неприкосновенность

практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин³

Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 28 февраля 2020 года по делу «*С.Ф.М. против Испании*» (сообщение № 138/2018).

Краткая информация: автор утверждала, что патологизация ее родов посредством преждевременной госпитализации, выполнения ненужных вагинальных осмотров, введения окситоцина без предоставления информации или получения согласия, принуждения ее к рождению ребенка в литотомическом положении, проведения инструментального извлечения плода и эпизиотомии без предоставления информации или получения согласия и, наконец, разлучения ее с дочерью из-за инфекции, предположительно занесенной в результате медицинских вмешательств, обусловлена структурной дискриминацией на основе гендерных стереотипов в отношении сексуальных функций, материнства и деторождения. Автор утверждала также, что эти стереотипы укоренились в ходе административных и судебных разбирательств. Комитет отметил, что, по мнению автора, описанная ситуация представляет собой ущемление ее прав на качественное медицинское обслуживание, свободное от насилия и дискриминации, автономию личности и физическую и психологическую неприкосновенность в нарушение статей 2, 5 и 12 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: под «акушерским насилием» Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин понимает насилие, с которым женщины сталкиваются во время родов в медицинских учреждениях, и утверждает, что «эта проблема носит масштабный и системный характер». Специальный докладчик поясняет, что к числу коренных причин акушерского насилия относятся условия труда, ограниченность ресурсов и статусный дисбаланс в отношениях «медицинский работник – пациент», усугубляющих существование

³ Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 года.

Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

гендерных стереотипов о роли женщин. Особенно актуально для данного сообщения утверждение Специального докладчика о том, что эпизиотомия «может привести к неблагоприятным физическим и психологическим последствиям для матери и даже к ее смерти и приравниваться к гендерному насилию, пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению» (пункт 7.3 Мнений).

Комитет отметил, что в случае индивидуального сообщения, в котором заявляется о нарушении прав в результате вынесения судебных решений, его задача заключается в рассмотрении таких решений с учетом положений Конвенции и определении того, соблюдали ли органы государства-участника свои обязательства по ней. Таким образом, Комитет должен оценить выполнение государством-участником обязательства проявлять должную осмотрительность в ходе административных и судебных разбирательств, начатых в связи с действиями, являющимися предметом жалобы автора, и в целях искоренения гендерных стереотипов (пункт 7.4 Мнений).

В соответствии со статьей 2 (пункт «а») Конвенции государства-участники обязаны обеспечить практическое осуществление принципа равноправия мужчин и женщин и что согласно статьям 2 (пункт «f») и 5 Конвенции государства-участники обязаны принимать все соответствующие необходимые меры для изменения или отмены не только действующих законов и постановлений, но и обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. Комитет считает – использование стереотипов сказывается на праве женщин на защиту от гендерного насилия (в данном случае от акушерского насилия), и что органам, которые должны проводить анализ в связи с вопросами, касающимися ответственности за такие действия, следует с особой осторожностью следить за тем, чтобы не воспроизводить стереотипы (пункт 7.5 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению, что, как было указано в клиническом акушерско-гинекологическом заключении, представленном автором, медицинский персонал не выполнил требования *lex artis*⁴: не следовало выполнять так много вагинальных осмотров, клиническая документация не свидетельствовала о целесообразности введения окситоцина и автор не давала согласия на проведение эпизиотомии, необходимость получения которого предусмотрена Законом об автономии пациента. Комитет отметил – информация, представленная сторонами по данному делу, в целом свидетельствовала о том, что национальные судебные органы не провели исчерпывающего анализа доказательств, представленных автором (пункт 7.4 Мнений).

⁴ Типовой порядок действий при оказании медицинской помощи.

Комитет обратил внимание на то, что в случае с заявителем существовала альтернатива той ситуации, в которой оказалась автор, поскольку ее беременность протекала нормально, без осложнений, и по ее прибытии в больницу не было необходимости принимать срочные меры, но, несмотря на это, с момента ее госпитализации она подвергалась многочисленным вмешательствам. В связи с этим ей не было дано никаких объяснений и не позволено выразить свое мнение. Кроме того, Комитет подчеркнул – административные и судебные органы государства-участника использовали стереотипные и, следовательно, дискриминационные понятия, предположив, что решение о целесообразности проведения эпизиотомии должен принимать врач, без объяснений признав «абсолютно понятным» отказ в присутствии отца при проведении инструментальных родов и выразив мнение о том, что моральные страдания, испытанные автором, являются «лишь делом восприятия» (пункт 7.5 Мнений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении прав автора по статьям 2 (пункты «b», «c», «d» и «f»), 3, 5 и 12 Конвенции.

*вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов
(в том числе в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 38433/17 *«Губашева и Ферзаули против Российской Федерации»*, которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с несоблюдением права Г. и ее дочери Ф. на уважение семейной жизни ввиду неисполнения решения об определении места жительства Ф. с матерью.

Европейский Суд, прежде всего, подчеркнул, что основным предметом статьи 8 Конвенции является защита лиц от произвольного вмешательства со стороны государственных органов. Также могут иметь место и позитивные обязательства, присущие эффективному «уважению» семейной жизни. Если говорить о спорах между родителями и (или) другими членами семьи ребенка об общении и проживании детей, то в своей судебной практике Суд последовательно устанавливал, что положения Конвенции включают, помимо прочего, право родителя на принятие мер в целях его воссоединения с ребенком, а также обязательство национальных властей принимать такие меры (пункт 43 постановления).

Вместе с тем, продолжил Суд, обязательство национальных органов власти по принятию мер для содействия воссоединению не является абсолютным, поскольку воссоединение одного родителя с ребенком, который

какое-то время проживал с другим родителем, не может случиться незамедлительно и вероятно потребует принятия подготовительных мер. Природа и степень подобной подготовки зависит от обстоятельств каждого конкретного дела, но понимание и сотрудничество всех заинтересованных сторон всегда являются важными составляющими. Хотя внутригосударственные органы власти должны прилагать все усилия для способствования такому сотрудничеству, любое обязательство применять принудительные меры в этой области должно быть ограничено, поскольку должны учитываться интересы, а также права и свободы всех заинтересованных лиц, и, в частности, интересы ребенка и его права по статье 8 Конвенции. Адекватность мер определяется скоростью их реализации, так как течение времени может повлечь необратимые последствия для отношений между ребенком и родителем. Хотя в столь деликатных вопросах применение мер принуждения является нежелательным, однако в случае противоправного поведения со стороны родителя, с которым проживает ребенок, не должна исключаться возможность применения санкций (пункт 44 постановления).

Во-первых, Суд отметил, что связь между заявительницами представляла собой «семейную жизнь» для целей статьи 8 Конвенции. Суд также подчеркнул – решение районного суда от 9 февраля 2015 года, согласно которому место жительства второй заявительницы, которой на тот момент было два года и восемь месяцев, было определено с первой заявительницей, оставалось неисполненным около четырех с половиной лет. Следовательно, необходимо было определить, приняли ли национальные органы власти все необходимые меры, осуществление которых от них можно было разумно ожидать в обстоятельствах дела, для ускорения исполнения судебного постановления (пункт 45 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, решение от 9 февраля 2015 года (об определении места жительства Ф. с матерью) вступило в силу 9 июня 2015 года и 5 августа 2015 года судебный пристав-исполнитель Е. отдела судебных приставов возбудил исполнительное производство. В период с 5 августа 2015 года по 27 февраля 2017 года материалы исполнительного производства трижды передавались из службы судебных приставов одного субъекта Российской Федерации в службу судебных приставов другого субъекта и обратно. Это происходило из-за того, что внутригосударственные органы власти не смогли установить, где проживает Р.Ф. и, следовательно, не смогли определить, какая служба судебных приставов была ответственна за исполнительное производство (пункт 47 постановления).

Внутригосударственные органы власти утверждали, что они не смогли установить место жительства Р.Ф., хотя он не скрывался. Тем не менее они связывались со службами судебных приставов. Суд обратил внимание на то, что 7 декабря 2015 года судебный пристав-исполнитель К. районного отдела

судебных приставов в г. Г. получил объяснения от Р.Ф., а 9 августа 2016 года судебный пристав А. районного отдела судебных приставов в Республике И. посетил место работы Р.Ф. и поговорил с ним. Кроме посещения предполагаемых мест проживания Р.Ф. приставы не прибегли к другим имеющимся мерам принудительного исполнения для установления его точного места жительства. Розыск второй заявительницы был начат лишь 21 апреля 2016 года (пункт 48 постановления).

Суд также отметил – хотя место работы Р.Ф. в Республике И. было установлено и тот факт, что вторая заявительница посещала детский сад в Республике И., однако служба судебных приставов продолжала передавать исполнительное производство в службу судебных приставов другого субъекта Российской Федерации. Более того, тот факт, что местонахождение второй заявительницы было установлено, позволял судебным приставам принять немедленные меры для ее передачи первой заявительнице. Однако судебные приставы не приняли такие меры (пункт 49 постановления).

Суд установил: несмотря на прямой отказ Р.Ф. исполнить решение суда от 9 февраля 2015 года, 11 апреля 2016 года на него был наложен лишь административный штраф в размере около 15 евро. Ничто в материалах дела не указывало на то, что Р.Ф. фактически заплатил этот штраф. В любом случае, размер штрафа был слишком незначительным, и в дальнейшем, по мнению Суда, не были приняты никакие меры принуждения для того, чтобы заставить Р.Ф. исполнить решение.

Суд отметил следующее – 22 ноября 2016 года районный суд признал незаконным бездействие районного отдела судебных приставов и указал, что меры, принятые судебными приставами, были явно недостаточными для исполнения решения от 9 февраля 2015 года; требования, выдвинутые судебными приставами, носили ограниченный и формальный характер, и что имели место длительные периоды бездействия со стороны судебных приставов. Однако несмотря на указание районного суда на необходимость устранения судебными приставами недостатков в исполнительном производстве, в материалах дела нет никаких свидетельств, которые позволили бы полагать, что недостатки были действительно устранены (пункт 51 постановления).

Суд с серьезной обеспокоенностью также отметил, что решение от 9 февраля 2015 года об определении места жительства второй заявительницы с ее матерью (первой заявительницей) оставалось неисполненным более четырех с половиной лет после его вынесения. Столь длительный период представлял собой, по мнению Суда, значительную часть жизни ребенка и имел последствия для ее физического и психического благополучия. Это также нарушило связь между заявителями и тем самым серьезно подорвало их семейную жизнь (пункт 53 постановления).

С учетом вышеизложенного и не упуская из виду сложностей, возникших из-за отказа отца ребенка исполнить постановление, Суд пришел

к выводу, что власти не приняли безотлагательно всех мер, реализацию которых от них можно было разумно ожидать, для обеспечения исполнения решения от 9 февраля 2015 года, и тем самым нарушили право заявителей на уважение их семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции (пункт 54 постановления).

В сфере гражданско-правовых отношений

право на уважение жилища (вопросы выселения)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 67394/17 *«Аливердиев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 июня 2020 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих процессуальных гарантий и несоблюдением права заявителя на уважение жилища при принятии судом решения об его выселении.

Суд счел, что решение суда о выселении представляло собой вмешательство в право заявителя на уважение его жилища, гарантированное статьей 8 Конвенции; такое вмешательство имело правовую основу согласно внутригосударственному законодательству и преследовало законную цель защиты прав Астраханской области, владельца квартиры⁵. Таким образом, основной вопрос по данному делу заключался в том, было ли указанное вмешательство пропорциональным преследуемой цели и, соответственно, «необходимым в демократическом обществе» (пункт 31 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «[у]трата жилища является крайней формой вмешательства в право на неприкосновенность жилища. Любое лицо, которому угрожает риск вмешательства в подобной степени, по существу должно иметь право на определение соразмерности такой меры независимым судом с учетом соответствующих принципов статьи 8 Конвенции, несмотря на то, что согласно внутригосударственному праву оно утратило право на проживание в нем» (пункт 32 постановления).

Власти утверждали – вмешательство в право заявителя на неприкосновенность его жилища было соразмерным и «необходимым в

⁵ В марте 2016 года областные органы власти инициировали судебное производство о выселении заявителя и его семьи из квартиры. Они утверждали, что данная квартира находилась в собственности Астраханской области и была передана прокуратуре в 2004 году во временное пользование под служебные жилые помещения сроком на пять лет. Срок действия соглашения истек 22 января 2009 года. У заявителя и его семьи не было законных оснований на проживание в квартире, и поэтому они должны быть выселены из квартиры.

демократическом обществе» для защиты прав Астраханской области, являющейся собственником квартиры, а также потому, что у заявителя было альтернативное место для проживания. Хотя наличие альтернативного жилья может иметь значение для оценки соразмерности выселения, Суд отметил, что эти вопросы не рассматривались внутригосударственными судами в данном деле. Суд подчеркнул: внутригосударственные суды не сопоставляли интересы Астраханской области с правом заявителя на уважение его жилища. Как только было установлено, что право заявителя на проживание в оспариваемой квартире прекратилось по истечении срока действия соглашения, заключенного между его бывшим работодателем и областными органами власти, суды придали этому аспекту первостепенное значение, не пытаясь сопоставить его с аргументами заявителя. Таким образом, внутригосударственные суды не установили справедливый баланс между конкурентными правами и не оценили соразмерность вмешательства в право заявителя на уважение его жилища (пункт 34 постановления).

Суд отметил, что он уже устанавливал нарушения статьи 8 Конвенции в других делах, когда заявители не имели возможности в контексте процедуры выселения провести оценку соразмерности рассматриваемого вмешательства, Суд не усмотрел оснований для другого вывода в настоящем деле. Таким образом, имело место нарушение статьи 8 Конвенции (пункт 35 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 61240/15 *«Пылаевы против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 17 июля 2018 года), в котором также было установлено нарушение статьи 8 Конвенции ввиду необеспечения надлежащих процессуальных гарантий и несоблюдения права заявителей на уважение жилища при принятии судом решения об их выселении.

Власти согласились с тем, что решение суда о выселении от 8 июня 2015 года представляло собой вмешательство в право заявителей на уважение жилища. Однако такое вмешательство осуществлялось в соответствии с законом, преследовало законную цель защиты других лиц, нуждающихся в социальном жилье, и было «необходимым в демократическом обществе». В частности, после отставки первого заявителя заключенный с ним договор найма утратил силу, а после выселения заявителей спорная квартира была предоставлена Ш., сотруднику прокуратуры. Следовательно, по мнению властей, не было допущено нарушения статьи 8 Конвенции.

Суд отметил, что на дату принятия решения о выселении заявители проживали в спорной квартире в течение практически трех лет. Таким образом, по мнению Суда, данная квартира являлась их «жилищем» для целей применения статьи 8 Конвенции (пункт 37 постановления).

Суд счел – распоряжение о выселении являлось вмешательством в право заявителей на уважение жилища, гарантированное статьей 8 Конвенции. При этом Суд допустил, что такое вмешательство имело правовую основу в национальном законодательстве и преследовало законную цель защиты прав нуждающихся в жилье. Таким образом, основной вопрос по данному делу заключался в том, было ли указанное вмешательство пропорциональным преследуемой цели и, соответственно, «необходимым в демократическом обществе» (пункт 38 постановления).

Как усматривалось из дела, первый заявитель поднимал вопрос об его праве и праве его матери на уважение жилища во внутригосударственных судах при оспаривании пропорциональности их выселения.

Власти утверждали, что вмешательство в право заявителей на уважение жилища было необходимым для защиты прав лиц, нуждающихся в социальном жилье. Тем не менее, как подчеркнул Европейский Суд, в ходе проведенного на национальном уровне разбирательства по вопросу о выселении заявителей такие лица, состоящие в списке очередников на получение жилья, не были указаны достаточно определенно, чтобы можно было соотнести их личные обстоятельства с обстоятельствами дела заявителей. Таким образом, в этом деле имелись исключительно интересы прокуратуры. Вместе с тем национальные судебные органы не сопоставили данные интересы с правом заявителей на уважение их жилища. Как только национальные судебные органы установили, что право заявителей на проживание в спорной квартире прекращено ввиду расторжения договора найма, они придали этому аспекту первостепенное значение, указал Суд, который не провел его оценку в сравнении с доводами заявителей. Внутригосударственные суды не установили справедливый баланс между конкурирующими правами и не оценили пропорциональность вмешательства в право заявителей на уважение жилища (пункт 41 постановления). С учетом ранее сформировавшейся практики Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 47056/11 *«Панюшкины против Российской Федерации»* (вынесено 21 ноября 2017 года, вступило в силу 21 февраля 2018 года), которым также установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих процессуальных гарантий и несоблюдением права заявителей на уважение жилища при принятии судом решения об их выселении.

Суд отметил: на дату вынесения решения суда о выселении заявители проживали в спорной комнате на протяжении 14 лет. Таким образом, данная комната являлась их «жилищем» для целей применения статьи 8 Конвенции (пункт 50 постановления).

Власти сослались на следующее – вмешательство в право заявителей на уважение жилища являлось необходимым для защиты прав вынужденных переселенцев. Вместе с тем, подчеркнул Европейский Суд, национальные судебные органы не сопоставили данные интересы с правом заявителей на уважение жилища. Установив, что первая заявительница утратила статус вынужденного переселенца, а ее сыну этот статус никогда не предоставлялся, они автоматически признали данный довод основополагающим и заключили, что заявители занимали спорное жилое помещение в отсутствие законных на то оснований, в связи с чем подлежали выселению без предоставления какого-либо альтернативного жилья. Ни на одном из этапов производства по делу национальные судебные органы не рассматривали доводы заявителей о том, что спорная квартира являлась единственным жильем заявителей и они столкнулись с трудностями при поиске альтернативных вариантов размещения. Таким образом, национальные судебные органы не установили справедливый баланс между конкурирующими правами и не оценили пропорциональность вмешательства в право заявителей на уважение жилища (пункт 54 постановления). С учетом ранее сформировавшейся практики Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 14620/09 *«Зайкина против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 мая 2019 г.), которым также установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих процессуальных гарантий и несоблюдением права заявителя на уважение жилища при принятии судом решения о ее выселении.

Власти не оспаривали – квартира являлась «жилищем» заявительницы по смыслу статьи 8 Конвенции и ее выселение из этой квартиры было равносильно вмешательству в ее право на неприкосновенность жилища. Суд признал, что это вмешательство соответствовало закону и преследовало законную цель защиты прав других лиц, а именно А.⁶ По мнению Суда, главным вопросом в этом деле являлось то, было ли вмешательство пропорциональным преследуемой цели и, следовательно, «необходимым в демократическом обществе».

Власти утверждали – вмешательство в право заявительницы на неприкосновенность ее жилища было пропорциональным и «необходимым в демократическом обществе», поскольку заявительница незаконно переехала в квартиру, и у нее было альтернативное место для проживания. Кроме того, вмешательство имело целью защитить право А. на неприкосновенность его

⁶ Несовершеннолетний ребенок, сын Г., который, в свою очередь, являлся дядей заявительницы.

жилища. В этом отношении несмотря на то, что законность установления жилища в определенном месте и наличие альтернативного жилья могут иметь значение для оценки пропорциональности выселения, Суд отметил – эти вопросы не рассматривались внутригосударственными судами в настоящем деле. Относительно интересов А., то Европейский Суд согласился с тем, что в настоящем деле внутригосударственные суды должны были обеспечить баланс между конкурирующими интересами двух частных лиц, а именно между правом А. и правом заявительницы занимать государственную квартиру по договору социального найма после смерти нанимателя. Однако Суд не убедился в том, что, принимая решение о выселении заявительницы, внутригосударственные суды обеспечили баланс между этими интересами таким образом, чтобы это отвечало требованиям статьи 8 Конвенции (пункт 34 постановления).

Суд обратил внимание: внутригосударственные суды установили, что и А. и заявительница являлись внуками умершей нанимательницы квартиры М., и оба были прописаны в квартире в качестве ее внуков. Они оба утверждали, что получили право проживать в квартире после смерти их бабушки. Чтобы решить дело внутригосударственные суды должны были установить, могли ли заявительница и А. быть признаны членами семьи нанимательницы. Заявительница утверждала: она и ее бабушка первоначально подали совместный судебный иск в качестве членов одной семьи, бабушка никогда не оспаривала ее право занимать квартиру, и в ряде случаев органы социального обеспечения признавали ее и ее бабушку малообеспеченной семьей и выдавали им жилищное пособие. Однако ни суд первой инстанции (при повторном рассмотрении дела 5 марта 2008 года), ни суд второй инстанции, который рассмотрел дело 19 июня 2008 года, не приняли во внимание эти доводы. Суд счел – сам факт того, что А. получил право проживать в квартире, но фактически не проживал там, не был достаточным для объяснения того, почему интересы А. имеют первостепенную важность относительно интересов заявительницы и почему выселение заявительницы было оправданным. Таким образом, не рассмотрев суть доводов заявительницы, внутригосударственные суды не смогли обеспечить баланс между конкурирующими правами и, следовательно, не смогли определить соразмерность вмешательства в право заявительницы на неприкосновенность ее жилища (пункт 35 постановления). С учетом ранее сформировавшейся практики Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 66610/10 *«Евгений Захаров против Российской Федерации»* (вынесено 14 марта 2017 года, вступило в силу 18 сентября 2017 года), которым также установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с необеспечением

надлежащих процессуальных гарантий и несоблюдением права заявителя на уважение жилища при принятии судом решения о его выселении.

Европейский Суд обратил внимание на то, что понятие «жилище» по смыслу статьи 8 Конвенции не ограничивается помещениями, занимаемыми на законных основаниях или утвержденными в качестве жилища в порядке, установленном законодательством. Это самостоятельное понятие, не зависящее от определения по внутреннему законодательству. Будет ли конкретное помещение считаться «жилищем», в отношении которого предусматривается защита в соответствии со статьей 8, зависит от фактических обстоятельств, а именно – наличия достаточных и непрерывных связей с определенным местом (пункт 30 постановления).

Как установил Суд, по настоящему делу суд первой инстанции постановил в своем решении от 6 мая 2010 года, что заявитель проживал в комнате Б. в течение десяти лет. Отменяя данное решение, областной суд не стал ставить под сомнение данный вывод, но заявил, что в суде не было представлено неопровержимых доказательств того, что Б. позволила заявителю жить в квартире в качестве члена семьи, а не в качестве временно проживающего. Для областного суда, отметил Суд, решающим фактом было то, что на протяжении всего периода, в течение которого он проживал вместе с Б., заявитель был зарегистрирован в качестве проживающего в другом месте (пункт 31 постановления).

Суд счел – сам по себе факт того, что заявитель оставался зарегистрированным в качестве проживающего в квартире своей бывшей жены не является достаточным основанием для вывода, что там находилось его жилище. С другой стороны, Суд посчитал, что, прожив в комнате Б. десять лет, заявитель создал достаточные и непрерывные связи с этой комнатой, чтобы считать ее «жилищем» для целей статьи 8 Конвенции. Отказ признать заявителя в качестве члена семьи Б. и признать его право занимать свою комнату явился вмешательством в его право на уважение жилища, гарантированное статьей 8 Конвенции (пункт 32 постановления).

Власти заявили, что вмешательство в право заявителя на уважение его жилища следует считать «необходимым в демократическом обществе», поскольку комнату, о которой идет речь, нужно было перераспределить между другими лицами, нуждающимися в жилье. В связи с этим Европейский Суд отметил: местная администрация, являвшаяся владельцем комнаты, не обжаловала решение суда первой инстанции и, таким образом, перестала защищать интересы лиц, включенных в список на предоставление муниципального жилья. Поэтому единственными интересами, принятыми во внимание, были интересы третьих лиц (соседей Б.). Однако областной суд не сопоставил эти интересы с правом заявителя на уважение его жилища. Как только суд установил, что на протяжении всего периода, в течение которого заявитель проживал с Б., он был зарегистрирован в качестве проживающего в другом месте, Суд придал этому аспекту первостепенное значение, не

пытаясь сопоставить его с доводами заявителя относительно его потребности в комнате. Таким образом, областной суд не установил равновесие между конкурирующими правами и, следовательно, не определил соразмерность вмешательства в право заявителя на уважение его жилища (пункт 36 постановления). С учетом ранее сформировавшейся практики Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции.

вопросы присуждения компенсации (возмещения ущерба) за допущенные нарушения прав и свобод человека; определение размера такой компенсации

практика Европейского Суда по правам человека

По нижеприведенному делу *«Зинатуллин против Российской Федерации»*, которым было установлено нарушение статьи 2 Конвенции из-за непроведения эффективного расследования по факту получения заявителем тяжкого вреда здоровью в результате несчастного случая в недостроенном здании, не огороженном от посторонних лиц, внутригосударственные суды присудили заявителю денежную компенсацию морального вреда в размере, эквивалентом 600 евро. Суд счел, что в обстоятельствах дела сумма компенсации являлась недостаточной, чтобы представлять собой надлежащее возмещение вреда.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 65697/13 *«Зинченко против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 15 июня 2020 года). Суд отметил, что на внутригосударственном уровне заявитель получил сумму, эквивалентную 372 евро в качестве компенсации морального вреда в связи с продолжительностью рассматриваемого расследования дорожно-транспортного происшествия, вследствие которого погиб сын заявителя. Тем не менее Суд счел, что этой суммы недостаточно, чтобы лишить заявителя статуса жертвы нарушения статьи 2 Конвенции.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

обязанность суда обосновать принятое решение

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 3811/17 *«Велиляева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года), которым установлено нарушение

пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство. Заявитель жаловалась на то, что отказы национальных судов в удовлетворении ее ходатайства о предоставлении рассрочки по уплате государственной пошлины по причине недостатка средств нарушили ее право на доступ к суду. Она также жаловалась на необоснованность решений судов, отклонивших ее ходатайства о предоставлении рассрочки.

Суд напомнил: «обязательные гарантии пункта 1 статьи 6 Конвенции включают обязательство обосновывать судебные решения. Однако, если данное положение обязывает суды обосновывать свои решения, то его нельзя понимать как требование о подробном рассмотрении каждого довода. Объем обязательств по изложению причин, обосновывающих принятие решения, может различаться в зависимости от его характера. Также необходимо принимать во внимание, в частности, разнообразие средств, которые сторона может использовать в суде, и различия между Договаривающимися государствами с точки зрения права, обычаев, доктринальных концепций, а также вынесения и изменения судебных решений и постановлений. Именно поэтому вопрос об установлении того, нарушил ли суд свою обязанность по обоснованию своего решения, может быть проанализирован только в свете обстоятельств дела» (пункт 18 постановления).

Обоснование требования о вынесении мотивированного судебного решения заключается не только в интересе истца знать, что его доводы были должным образом учтены, но и в интересах всех граждан демократического общества при осуществлении надзора за отправлением правосудия. Кроме того, в случае, если суд апелляционной инстанции ограничивается повторным изложением доводов, положенных в основу решения суда первой инстанции об отказе в удовлетворении иска, то суд или нижестоящий орган должен указать основание, позволяющие сторонам эффективно использовать свое право на обращение в суд (пункт 19 постановления).

В данном деле заявитель пыталась подать в суд иск о возмещении убытков. Определением от 15 октября 2014 года суд оставил иск без движения, так как заявитель не оплатила государственную пошлину, и предложил ей в срок до 22 октября 2014 года устранить недостатки. Поскольку этим же определением суд отклонил представленное заявителем ходатайство о предоставлении отсрочки оплаты, то заявитель решила подать повторное, более обоснованное ходатайство (пункт 20 постановления).

Определением от 23 октября 2014 года суд отклонил повторное ходатайство, не рассмотрев довод заявителя о ее сложном финансовом положении. Отсутствие мотивированного ответа помешало заявителю понять причины такого решения, с тем чтобы надлежащим образом использовать существующие средства правовой защиты или, в соответствующих случаях, выполнить требования суда первой инстанции (пункт 21 постановления). Другие судебные инстанции, куда обращалась заявитель, также не обосновали

свои решения. Они ограничились только ссылкой на определение от 15 октября 2014 года, которое также не было обосновано.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что в данном деле российские суды не выполнили обязательства по обоснованию своих решений, которое следует из подразумеваемой гарантии справедливого судебного разбирательства, в том виде, в каком она вытекает из правоприменительной практики. Следовательно, в этом отношении было допущено нарушение статьи 6 Конвенции.

право лишенного свободы лица на личное участие по гражданскому делу, стороной по которому это лицо является

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 44363/14 «**Иванов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 4 июня 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением личного участия заявителей в судебных заседаниях по их гражданским делам.

Европейский Суд напомнил, что заявители, которые на момент рассматриваемых событий находились под стражей, были лишены возможности лично присутствовать на слушаниях по гражданским делам, сторонами которых они являлись. Европейский Суд отметил, что во многих ранее вынесенных постановлениях он уже излагал общие принципы соблюдения права эффективно представлять свои интересы в суде наравне с противной стороной на основании принципа равноправия всех сторон в соответствии со статьей 6 Конвенции. Анализ Европейским Судом предполагаемого нарушения права на справедливое судебное разбирательство в делах, когда находящиеся под стражей заявители жаловались на отсутствие возможности лично присутствовать во время слушания по гражданским делам, включает в себя следующие аспекты: анализ способа оценки внутригосударственными судами необходимости в личном присутствии заявителей, а также установление факта принятия или непринятия внутригосударственными судами процессуальных мер для обеспечения эффективного участия заявителей в судебных процессах (пункт 7 постановления).

Рассмотрев все представленные материалы, Суд не усмотрел каких-либо обстоятельств или доводов, которые позволили бы ему прийти к иному выводу относительно приемлемости и существа данных жалоб.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека

по жалобе № 56255/15 и 79199/17 *«Лях и Кожуков против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 января 2020 года), которым также установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением личного участия лишенных свободы заявителей в судебных заседаниях по их гражданским делам.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

защита права на жизнь в аспекте исполнения государством позитивных обязательств по проведению эффективного расследования

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 65697/13 *«Зинченко против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 15 июня 2020 года), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования по факту смерти сына заявителя, погибшего в результате дорожно-транспортного происшествия.

Суд в первую очередь отметил, что сын заявителя погиб в дорожно-транспортном происшествии. Заявитель не утверждал, что государство не выполнило свое обязательство по возмещению убытков, предусмотренное статьей 2 Конвенции (внедрение надлежащего комплекса превентивных мер, направленных на обеспечение общественной безопасности и максимального сокращения количества дорожно-транспортных происшествий). В этих обстоятельствах задача Суда состояла только в том, чтобы установить, выполнило ли государство свое обязательство по отправлению правосудия и созданию эффективной и независимой судебной системы, позволяющей установить факты в кратчайшие сроки, наказать виновных и гарантировать жертвам адекватную компенсацию (пункт 14 постановления).

Суд обратил внимание: в деле нет ничего, указывающего на то, что смерть сына заявителя явилась результатом преднамеренного действия или что это произошло при подозрительных обстоятельствах. Следовательно, нельзя утверждать, что только уголовное дело могло бы удовлетворить требование об адекватном ответе по смыслу статьи 2 Конвенции. Действительно, если право на жизнь или физическую неприкосновенность нарушается непреднамеренно, то требование относительно создания «эффективной судебной системы» не обязательно во всех случаях предусматривает необходимость возбуждения уголовного дела и может быть удовлетворено обращением в суды для установления гражданско-правовой ответственности соответствующих лиц (пункт 15 постановления).

Суд ограничился рассмотрением того, отвечает ли расследование

обстоятельств смерти сына заявителя требованиям, предусмотренным статьей 2 Конвенции.

Как усматривалось из текста постановления, расследование длилось семь лет. Национальными судами было отмечено отсутствие усердия при проведении расследования. Учитывая эти факторы, Суд счел, что национальные органы власти не выполнили свои позитивные процессуальные обязательства по установлению фактов «в кратчайшие сроки» (пункт 17 постановления). Суд резюмировал: национальные органы власти не действовали с должной осмотрительностью, которые предусмотрены в соответствии с требованиями статьи 2 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 10551/10 *«Зинатуллин против Российской Федерации»* (вынесено 28 января 2020 года, вступило в силу 28 мая 2020 года), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции ввиду непроведения эффективного расследования по факту получения заявителем тяжкого вреда здоровью в результате несчастного случая в недостроенном здании, не огороженном от посторонних лиц.

Суд напомнил, что «первое предложение статьи 2 Конвенции, которое считается одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, а также закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ Совета Европы, требует от государства не только воздерживаться от «умышленного» лишения жизни, но также принимать соответствующие меры для защиты жизни тех, кто находится под его юрисдикцией. Это позитивное обязательство влечет первоочередную обязанность [г]осударства внедрить законодательную и административную базу, разработанную с целью обеспечения эффективной защиты от угроз праву на жизнь [...] Оно применяется в контексте любой деятельности, будь она государственной или нет, в которой затрагивается право на жизнь... Данный принцип применяется, например, в контексте управления опасными видами деятельности..., или в контексте смерти в общественном месте...» (пункт 25 постановления). Это материально-правовое позитивное обязательство, по мнению Суда, также требует, чтобы государство вводило законоположения, побуждающие как частные, так и государственные учреждения принимать соответствующие меры по защите жизни людей. Эти законодательные меры должны регулировать лицензирование, организацию, эксплуатацию, безопасность и надзор за деятельностью, а также обязывать все заинтересованные стороны принимать практические меры для обеспечения эффективной защиты граждан, чья жизнь может быть поставлена под угрозу в связи с неотъемлемыми рисками. Соответствующие нормативные акты, принимая во внимание технические аспекты деятельности, должны также предусматривать определенные процедуры для

определения недостатков в указанных процессах, а также каких-либо ошибок, совершенных ответственными лицами на разных уровнях (пункт 26 постановления).

Суд обратил внимание на то, что в контексте деятельности на строительных площадках, которая может представлять опасность для жизни людей ввиду ее опасного характера, государства должны принимать необходимые разумные меры для обеспечения безопасности людей, в том числе посредством законодательных актов, учитывающих особенности рассматриваемой деятельности. В отсутствие необходимых мер предосторожности любая строительная площадка, особенно расположенная в жилом районе, может привести к опасным для жизни несчастным случаям, которые могут касаться не только профессиональных строителей, знакомых с возможными рисками, но и общественности в целом, включая уязвимые группы, такие как дети, которые могут легко подвергнуться этим рискам (пункт 27 постановления). При этом рассматриваемое материально-правовое позитивное обязательство должно толковаться таким образом, чтобы не налагать на власти непомерное или непропорциональное бремя ответственности (пункт 28 постановления).

Кроме того Суд напомнил, что обязанность государства защищать право на жизнь должна также включать процессуальное позитивное обязательство создать эффективную независимую судебную систему, способную оперативно устанавливать факты, привлекать виновных к ответственности и обеспечивать жертве надлежащее возмещение ущерба (пункт 29 постановления).

Европейский Суд отметил следующее – в делах, касающихся непреднамеренного причинения смерти и/или создания риска для жизни, требование о наличии эффективной правовой системы выполняется, если правовая система обеспечивает жертвам (или их ближайшим родственникам) средство правовой защиты в гражданских судах либо в отдельности, либо в сочетании со средством правовой защиты в уголовных судах, позволяющим установить ответственность и получить соответствующее гражданское возмещение. В случаях причастности представителей государства или лиц определенных профессий также могут быть предусмотрены дисциплинарные меры (пункт 32 постановления).

По мнению Суда, хотя Конвенция как таковая не гарантирует право возбуждать уголовные дела в отношении третьих сторон, даже в случаях непреднамеренного вмешательства в право на жизнь или физическую неприкосновенность, однако могут существовать исключительные обстоятельства, когда для выполнения процессуального обязательства по статье 2 Конвенции необходимо проведение эффективного расследования уголовного дела. Такие обстоятельства могут существовать, например, когда жизнь была утрачена или подверглась риску из-за поведения государственного органа, которое выходит за рамки ошибочной оценки или

небрежности. Если установлено, что халатность со стороны государственных должностных лиц или органов выходит за пределы ошибочной оценки или небрежности в том, что соответствующие органы власти, полностью осознавая вероятные последствия и игнорируя предоставленные им полномочия, не приняли мер, которые были необходимыми и достаточными для предотвращения рисков, присущих опасной деятельности, то тот факт, что лица, ответственные за создание угрозы жизни, не были обвинены в совершении преступления или привлечены к ответственности, может представлять собой нарушение статьи 2, независимо от каких-либо других видов средств правовой защиты, которыми лица могут воспользоваться по собственной инициативе (пункт 33 постановления).

Суд также повторил: «в делах, «связанных с опасными для жизни телесными повреждениями, например, в случае смерти», как только властям становится известно об инциденте, они «должны приложить все разумные усилия с учетом практических реалий следственной работы, включая наличие необходимых ресурсов». Чтобы на месте происшествия были своевременно собраны соответствующие доказательства, [с целью] обеспеч[ения] их наличи[я] и устран[ения] или све[дения] к минимуму любо[го] риск[а] упущений, которые впоследствии могут отразиться на возможности установления ответственности и привлечения лица к ответственности. Эта ответственность лежит на властях и не может быть переложена на жертву или ее ближайших родственников. Обязательство по сбору доказательств существует, по крайней мере, до тех пор, пока не будет выяснен характер ответственности, и власти не убедятся в том, что никаких оснований для проведения или продолжения уголовного расследования не имеется...» (пункт 34 постановления).

Если в ходе первоначального расследования было установлено, что опасная для жизни травма не была причинена умышленно, продолжил Европейский Суд, то гражданское средство правовой защиты обычно считается достаточным, за исключением случаев, в которых существуют особые обстоятельства, требующие проведения эффективного уголовного расследования (пункт 35 постановления). При этом в случае наличия различных средств правовой защиты (как гражданских, так и уголовных) Суд должен рассмотреть вопрос о том, могут ли такие средства правовой защиты, которые предусмотрены в законодательстве и применяются на практике, в своей совокупности представлять собой правовые средства, способные установить факты, привлечь виновных к ответственности и обеспечить жертве надлежащее возмещение. Выбор средств для выполнения позитивных обязательств по статье 2 Конвенции в принципе находится в пределах свободы усмотрения Договаривающихся государств. Существуют различные способы обеспечения предусмотренных Конвенцией прав и даже если государство не применило одну конкретную меру, предусмотренную внутригосударственным правом, оно все же могло выполнить свое

позитивное обязательство другими способами (пункт 36 постановления).

Вместе с тем, подчеркнул Суд, ни при каких обстоятельствах национальные суды не должны допускать, чтобы угрожающие жизни преступления оставались безнаказанными. Это очень важно для поддержания общественного доверия и обеспечения верховенства права, а также для предотвращения любого проявления толерантности или сговора в случае незаконных деяний. Следовательно, задача Суда заключается в рассмотрении вопроса о том, можно ли считать, что в своих выводах суды проявили тщательность, предусмотренную требованиями статьи 2 Конвенции, с тем чтобы не подрывался сдерживающий эффект судебной системы и значение той роли, которую она должна играть в области предотвращения нарушений права на жизнь (пункт 37 постановления).

Суд учел, что в рамках гражданского судопроизводства национальные суды установили причинно-следственную связь между бездействием мэрии города Т. в плане принятия мер безопасности в недостроенном здании, направленных на защиту жизни и здоровья людей, и произошедшим с заявителем несчастным случаем. Тем самым признали, что государственные органы не выполнили позитивное обязательство, предусмотренное материальным аспектом статьи 2 Конвенции, и не приняли разумные меры для обеспечения безопасности людей. Ввиду этого Суд сосредоточил внимание на вопросе о том, выполнило ли государство свое позитивное обязательство, предусмотренное процессуальным аспектом статьи 2, и предоставило ли оно заявителю соответствующее возмещение. Суд отметил, что заявитель (на момент рассматриваемых событий ему было 14 лет) получил серьезную черепно-мозговую травму, которая привела к его инвалидности – в результате падения через отверстие с третьего этажа на второй этаж недостроенного здания на груды битых кирпичей (пункт 38 постановления).

Суд обратил внимание, что следственные органы не пытались установить личности должностных лиц из мэрии и их обязанности по обеспечению безопасности в недостроенном здании.

Было отмечено: ответственность за проведение первоначального расследования (направленного на сбор доказательств и устранение или сведение к минимуму любого риска упущений, которые впоследствии могут отрицательно сказаться на возможности привлечения виновных лиц к ответственности) лежит на властях и не может быть оставлена на усмотрение жертвы или ее ближайших родственников (пункт 42 постановления).

Суд также указал – заявитель воспользовалась гражданско-правовым средством правовой защиты. В ходе гражданского судопроизводства было установлено (и это не оспаривалось сторонами), что мэрия города Т., будучи владельцем недостроенного здания, несла ответственность в соответствии с национальным законодательством (пока строительные работы были приостановлены) за принятие мер, направленных на защиту жизни и

здоровья людей, в частности, путем закрытия недостроенного здания; также была установлена причинно-следственная связь между упущением мэрии и причинением заявителю тяжких телесных повреждений и инвалидности. Гражданские суды установили, что мэрия долгое время не выполняла своих обязанностей (с момента передачи ей недостроенного здания в 1997 году) до наступления несчастного случая с заявителем в 2008 году, несмотря на конкретную опасность, которую здание представляло для детей, учитывая его близость к местной школе. Недостроенное здание (на момент его передачи в муниципальную собственность в 1997 году строительство было завершено на 54%): (i) не имело окон и дверей; (ii) представляло такие опасности как куча кирпичей и дыра между этажами; (iii) не охранялось; (iv) было легко доступно со стороны школы. Таким образом, мэрия города Т. была привлечена к ответственности за непринятие мер безопасности, что привело к серьезным травмам и инвалидности заявителя в 2008 году (пункт 43 постановления).

Установив изложенные выше факты, суды обязали мэрию выплатить заявителю компенсацию в размере, эквивалентном 600 евро в качестве компенсации морального вреда. Отмечая, что национальные суды приняли во внимание халатность со стороны заявителя и его матери, Суд счел, что в обстоятельствах настоящего дела сумма компенсации являлась недостаточной, чтобы представлять собой надлежащее возмещение вреда.

После установления обстоятельств несчастного случая и, в частности, связи между недостроенным зданием и мэрией города Т., несмотря на позицию национального суда и прокуратуры уголовно-правовое средство защиты не смогло обосновать вывод о том, что в действиях должностных лиц мэрии не было признаков преступления халатности должностного лица. Личность этих чиновников так и не была установлена, и доказательства их ответственности за обеспечение безопасности в недостроенном здании так и не были собраны. В результате отказ в возбуждении уголовного дела был необоснованным, что противоречило задаче установления соответствующих фактов и привлечения виновных к ответственности. Что касается гражданско-правового средства правовой защиты, то, хотя оно и позволило привлечь виновный орган власти к ответственности, однако оно не обеспечило заявителю надлежащего возмещения (пункт 46 постановления). С учетом изложенного, Суд резюмировал – в деле заявителя уголовные и гражданские средства правовой защиты не являлись эффективной реакцией суда, совместимой со сдерживающим воздействием действующей судебной системы и значимостью той роли, которую она должна играть в предотвращении нарушений права на жизнь, как того требует статья 2 Конвенции. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение этого положения Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный

перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 1115/10 «*Удут против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением надлежащего расследования по факту самоубийства дочери заявительницы.

Европейский Суд отметил, что 8 мая 2007 года дочь заявительницы З. была найдена повешенной в ее квартире. Патологоанатомическое исследование выявило – она умерла в результате асфиксии. Помимо следа удушения на лице, предплечьях и голенях З. были обнаружены многочисленные кровоподтеки и ссадины, которые могли проявиться незадолго до ее смерти в результате ударов тупыми предметами, например, удары по лицу, рукам и ногам, нанесенные другим человеком. Заявительница добивалась возбуждения уголовного дела в отношении ее зятя Ч., обвиняя его в доведении З. до самоубийства (пункт 34 постановления).

Суд также учел, что в течение более четырех лет в период с мая 2007 года по октябрь 2011 года обстоятельства смерти дочери заявительницы выяснялись в рамках 21 доследственной проверки, в результате которых выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Все постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, кроме самого последнего, были отменены прокурором, осуществляющим надзор, как незаконные и необоснованные, а также были признаны таковыми судом. В каждом случае было отмечено следующее – поручения, данные следователю прокурором о выполнении процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, упомянутых в жалобе заявительницы, а также обстоятельств смерти З., не были исполнены. Несмотря на то, что в течение указанного выше периода уголовное дело фактически было возбуждено в одном случае в сентябре 2011 года, на следующий день данное постановление было отменено и, следовательно, оно не имело никакого значения для расследования (пункт 35 постановления).

Европейский Суд напомнил – затянутый характер разбирательства является явным признаком того, что оно является неполноценным и представляет собой нарушение позитивных обязательств государства-ответчика по Конвенции, если только государство не представит достаточно убедительных и правдоподобных причин, оправдывающих длительность производства. В этой связи Суд отметил: в ноябре 2009 года окружная прокуратура заявила в ответ на жалобу заявительницы, что несоблюдение внутригосударственными органами власти законодательства и требования о незамедлительном проведении расследования по факту смерти З. нарушило права заявительницы (пункт 36 постановления).

Европейский Суд обратил внимание: «[в]о многих делах против России Суд уже устанавливал, что получив заслуживающие доверия утверждения о жестоком обращении или о лишении жизни представителями государства, власти обязаны возбудить уголовное дело и провести расследование; одна

лишь «доследственная проверка» не может отвечать требованиям эффективного расследования, предусмотренным статьями 2 или 3 Конвенции. Было установлено, что эта предварительная стадия имеет слишком ограниченный объем и не может привести к установлению личности и наказанию лиц, виновных в предполагаемом жестоком обращении или лишении жизни, поскольку возбуждение уголовного дела и проведение уголовного расследования являются необходимыми условиями для предъявления предполагаемым преступникам обвинений, которые впоследствии могут быть рассмотрены судом. Суд уже устанавливал, что отказ в возбуждении уголовного дела по заслуживающим доверия утверждениям о жестоком обращении или лишении жизни свидетельствует о невыполнении государством своих процессуальных обязательств по статьям 2 и 3 Конвенции...» (пункт 37 постановления).

Суд подчеркнул следующее – обстоятельства рассматриваемого дела отличаются тем, что лишение жизни было предположительно спровоцировано частным лицом, а не представителем государства. Однако Суд счел, что, поскольку в обоих случаях требования в отношении проведения официального расследования схожи, его предыдущие выводы по статьям 2 и 3 Конвенции должны в равной степени применяться к ситуациям, когда имеются заслуживающие доверия утверждения о жестоком обращении или лишении жизни со стороны физических лиц (пункт 38 постановления).

Принимая во внимание вышеизложенное, Суд резюмировал, что ограниченный объем, отсутствие разумной срочности и общая неэффективность многих доследственных проверок, в результате которых в течение четырех с половиной лет неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти дочери заявительницы, свидетельствуют об отсутствии истинного и серьезного стремления внутригосударственных органов власти провести расследование для выяснения обстоятельств смерти. Непроведение расследования уголовного дела привело Суд к выводу о том, что власти не выполнили свое процессуальное обязательство по статье 2 Конвенции провести расследование по факту смерти дочери заявительницы 8 мая 2007 года. Таким образом, государство нарушило свое процессуальное обязательство, предусмотренное статьей 2 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 29951/09 *«Агаркова против Российской Федерации»* (вынесено 15 мая 2018 года, вступило в силу 15 августа 2018 года), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования по факту смерти сына заявительницы.

Суд напомнил, что пункт 1 статьи 2 Конвенции предписывает государству не только воздерживаться от умышленного и незаконного

лишения жизни, но также предпринимать надлежащие шаги для сохранения жизней тех, кто находится под их юрисдикцией. Это подразумевает применение эффективных положений уголовного права для предотвращения совершения преступлений против личности, подкрепленных правоохрнительными механизмами для предотвращения, пресечения и наказания за нарушения таких положений (пункт 55 постановления). Когда смерть случается при подозрительных обстоятельствах, оставляя место для обвинений в преднамеренном лишении жизни, государство должно обеспечить эффективное официальное расследование. При этом в данном обязательстве главным является не результат, а используемые средства. Власти должны были предпринять все разумные шаги для обеспечения сохранности доказательств, имеющих отношение к происшествию. Любой недостаток расследования, который снижает вероятность установления причины смерти или ответственных лиц, влечет за собой риск несоблюдения данного принципа (пункты 56–57 постановления).

Суд, прежде всего, отметил, что уголовное судопроизводство по обстоятельствам смерти сына заявительницы было возбуждено 26 февраля 2007 года, почти через месяц после того, как он умер от тяжелой травмы головы, полученной 17 января 2007 года. После возбуждения уголовного дела следственные органы предприняли ряд процессуальных мер, направленных на выполнение их позитивного обязательства согласно статье 2 Конвенции. Они установили – телесные повреждения, которые повлекли смерть сына заявительницы – открытая тупая черепно-мозговая травма, сопровождаемая ранами на голове и кровоизлияниями в мягкие ткани головы, переломами костей черепа, кровоизлияниями над и под слоями мозговой оболочки, осложненными отеком мозга и давлением – были причинены В. во время драки. В мае 2007 года они передали дело против В. – по обвинению в убийстве, совершенном в результате превышения пределов самообороны – в суд для проведения разбирательства (пункт 58 постановления). Однако в октябре 2007 года суд вернул дело следственным органам для пересмотра обвинительного заключения и устранения недостатков, которые препятствовали рассмотрению дела, в частности, для установления того, каким именно образом действия В. превысили пределы необходимой самообороны.

Суд обратил внимание на то, что дело не вернулось в суд для рассмотрения по существу. Вместо этого с 29 декабря 2007 года по 29 октября 2009 года, было вынесено десять постановлений о прекращении производства по уголовному делу, которые впоследствии были отменены надзорными органами как необоснованные. После ходатайств заявительницы (в течение периода продолжительностью почти в два года) суд несколько раз признавал бездействие следователя незаконным и обязывал следственный орган устранить вышеупомянутые недостатки, провести тщательное и всестороннее расследование (пункт 60 постановления).

Суд напомнил, что повторное направление дела на дальнейшее рассмотрение вместе с нежеланием следственных органов следовать указаниям судов, продемонстрировали серьезные недостатки в расследовании, так как эти недостатки повлияли на способность расследования собрать и оценить доказательства (пункт 61 постановления). Суд отметил, что с 14 февраля по 5 декабря 2012 года разбирательство по уголовному делу прекращалось шесть раз ввиду отсутствия элементов состава преступления в действиях В., а впоследствии возобновлялось. В декабре 2012 года – то есть, более чем через пять лет после происшествия – расследование все еще не было завершено, и нельзя было прийти к выводу, что вся его продолжительность оправдывалась обстоятельствами данного дела (пункт 63 постановления).

Суд указал: эффективность расследования подразумевает своевременность и разумную скорость исполнения. Даже если в конкретной ситуации могут существовать препятствия или трудности, мешающие продвижению расследования, незамедлительное реагирование властей является очень важным для поддержания общественного доверия в соблюдении им верховенства права и во избежание впечатления сговора или терпимости к незаконным действиям. Кроме того, с течением времени надежды на то, что может быть проведено какое-либо эффективное расследование значительно уменьшаются (пункт 64 постановления).

С учетом изложенного можно было констатировать – имело место нарушение процессуального аспекта статьи 2 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 49626/07 *«Тихомирова против Российской Федерации»* (вынесено 3 октября 2017 года, вступило в силу 3 января 2018 года), которым также установлено нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования по факту смерти сына заявительницы, погибшего в результате дорожно-транспортного происшествия.

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 33938/08 *«Андрущенко против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года), которым установлено, в том числе нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции ввиду длительного нахождения заявителя под стражей в ожидании приговора.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 83594/17 *«Геджадзе против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 сентября 2019 года), которым отклонена жалоба заявителя на якобы имевшее место незаконное содержание его под стражей в целях экстрадиции. Вместе с тем установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с неоперативным рассмотрением судом жалобы заявителя на постановление о заключении под стражу.

Европейский Суд обратил внимание на следующее – постановление о заключении под стражу районного суда от 13 октября 2017 года было пересмотрено в апелляционном порядке 14 ноября 2017 года, то есть спустя 32 дня. В отсутствие какого-либо убедительного обоснования этой задержки суд счел, что в данном случае имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с чрезмерной длительностью процедуры обжалования постановления о заключении под стражу.

практика Комитета ООН по правам человека⁷

Соображения Комитета по правам человека от 23 июля 2020 года по делу *«Сергей Сотник против Российской Федерации»* (сообщение № 2478/2014).

Краткая информация: Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что с 12 ноября 2008 года по 27 марта 2009 года он незаконно содержался под стражей в ожидании суда. Государство-участник признало: автор был заключен под стражу и впоследствии освобожден, однако оно утверждало, что национальные суды признали его содержание под стражей «необоснованным», а не «незаконным».

Правовые позиции Комитета: арест или содержание под стражей могут соответствовать внутреннему законодательству, но тем не менее быть произвольными. Понятие «произвольности» не следует приравнивать к понятию «противозаконности», а нужно толковать более широко, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий⁸, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности. Например, содержание

⁷ Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту.

Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

⁸ См.: *«Горджи-Динка против Камеруна»* (CCPR/C/83/D/1134/2002), пункт 5.1; сообщение № 305/1988, *«Ван Альфен против Нидерландов»*, пункт 5.8.

под стражей в виде меры пресечения по уголовному делу должно быть разумным и необходимым в любых обстоятельствах⁹. Кроме того, хотя оправдание обвиняемого по уголовному делу в суде первой или апелляционной инстанции само по себе не делает «незаконным» предыдущее задержание¹⁰, «незаконный» характер ареста или содержания под стражей может быть обусловлен нарушением внутреннего законодательства или самого Пакта¹¹ (пункт 7.3 Соображений).

Комитет напоминает, что пункт 5 статьи 9 Пакта обязывает государства-участники предусмотреть правовые основания для предоставления компенсации в качестве права, обеспеченного правовой санкцией, а не в качестве вопроса, который может решаться по усмотрению властей. Возможность получения возмещения не должна быть лишь теоретической, а должна подкрепляться эффективным механизмом, и компенсация должна выплачиваться в течение разумного периода времени (пункт 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: национальные суды признали отсутствие доказательств того, что автор был должным образом уведомлен о необходимости явиться к следователю и намеренно уклонился от явки. Это подтверждалось решением районного суда от 3 апреля 2009 года. Комитет отметил, что и 14 ноября 2008 года, и 4 февраля 2009 года тот же суд принял решение о заключении автора под стражу, но не рассмотрел вопрос о том, намерен ли автор скрыться и является ли содержание под стражей при таких обстоятельствах «разумным и необходимым»¹². С учетом описанных выше обстоятельств и в отсутствие конкретных объяснений со стороны национальных судов и государства-участника Комитет пришел к выводу – государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктом 1 статьи 9 Пакта (пункт 7.4 Соображений).

Комитет обратил внимание на следующее – хотя национальные суды приняли иск автора и рассмотрели его, они отказали ему в выплате компенсации за время, проведенное им под стражей, на основании вывода о том, что его содержание под стражей было «необоснованным», но не являлось «незаконным». Комитет принял к сведению решение районного суда от 3 февраля 2010 года, в котором суд отказал в выплате компенсации на том основании, что у автора не было «права на реабилитацию» по смыслу статей 133 и 134 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Поэтому Комитет считал, что районный суд ограничил право автора на компенсацию, обусловив это право наличием оснований для «реабилитации»,

⁹ См.: «Кулов против Кыргызстана» (CCPR/C/99/D/1369/2005), п. 8.3.

¹⁰ См.: Сообщение № 432/1990, «У.Б.Е. против Нидерландов», пункт 6.5; сообщение № 963/2001, «Уэберганг против Австралии», пункт 4.4.

¹¹ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 51.

¹² Там же, п. 12.

что может определяться только уголовным судом. Комитет отметил: этот недостаток впоследствии не был исправлен вышестоящими судами. Требуя вывода уголовного суда о наличии права на реабилитацию, государство-участник делает невозможным в отсутствие вынесенного ранее положительного заключения осуществление таким лицом, как автор, своего права на компенсацию, обладающего искомой силой. В свете этого вывода и с учетом вывода Комитета о том, что заключение автора под стражу действительно было произвольным, Комитет пришел к заключению, что государство-участник нарушило право автора на средство правовой защиты, обладающее искомой силой и защищаемое в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта (пункт 7.3 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении прав автора, предусмотренных пунктами 1 и 5 статьи 9 Пакта.

В соответствии с пунктом 3 «а» статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. В частности, оно должно предоставить полное возмещение лицам, чьи права, гарантируемые Пактом, были нарушены. В данном случае государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, включая адекватную компенсацию за понесенный ущерб. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем.

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на участие защитника; право на конфиденциальное общение
подсудимого с защитником)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 67312/12 «**Фирстов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 2 июня 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 и пункта 3 «с» статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство ввиду отсутствия конфиденциальности общения заявителя и его адвоката.

Принимая во внимание доводы сторон и собственную прецедентную практику по данному вопросу, Суд счел, что власти не представили никаких фактических или правовых материалов, которые могли бы убедить его сделать иное заключение по настоящему делу. Действительно, по мнению Суда, даже если бы заявитель мог разговаривать со своим адвокатом через решетку клетки, в том числе во время перерывов, предоставленных для этой цели судьей по просьбе заявителя, ничто не показывает, что это общение

было конфиденциальным, учитывая присутствие конвоиров в пределах слышимости (пункт 22 постановления).

практика Комитета ООН по правам человека

Соображения Комитета по правам человека от 8 ноября 2019 года по делу *«Рамиль Калиев против Российской Федерации»* (сообщение № 2977/2017).

Краткая информация: Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что в ходе разбирательства в суде кассационной инстанции ему не был предоставлен защитник. Комитет счел, что к настоящему сообщению применим пункт 3 «d») статьи 14 Пакта, поскольку областной суд рассмотрел фактологическую и правовую сторону уголовного дела автора и по-новому оценил вопрос о виновности¹³.

Правовые позиции Комитета: пункт 3 «d») статьи 14 Пакта содержит три отдельные гарантии в отношении лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления: а) быть судимым в его присутствии; б) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника, а в случае, если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве; с) иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника¹⁴. Поэтому Комитет счел – именно государство-участник должно было доказать, что автор, приговоренный судом к 16 годам лишения свободы и не имевший юридической помощи после вынесения приговора судом первой инстанции, был должным образом проинформирован о своем праве согласно пункту 3 «d») статьи 14 Пакта иметь защитника в ходе кассационного разбирательства... (пункт 9.3 Соображений).

Для отказа какого-либо лица от осуществления того или иного конкретного права, это лицо должно быть изначально осведомлено о существовании такого права (пункт 9.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: областной суд рассмотрел материалы уголовного дела автора и доводы, представленные в его кассационной жалобе, с тем чтобы принять окончательное решение. В таких обстоятельствах областной суд был обязан проинформировать автора о его праве требовать присутствия адвоката в ходе кассационного разбирательства. Комитет также отметил, что адвокат Ш., который, как утверждается, был проинформирован о дате кассационного слушания,

¹³ См.: *«Дорофеев против Российской Федерации»* (CCPR/C/111/D/2041/2011), пункт 10.6; и *«Ю.М. против Российской Федерации»* (CCPR/C/116/D/2059/2011), пункт 9.6.

¹⁴ См. также принятое Комитетом Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункты 36–38.

но решил не присутствовать на нем, не может рассматриваться в качестве выбранного автором защитника. Нельзя также говорить о том, что автор отказался от своего права на защитника в ходе рассмотрения его жалобы в кассационной инстанции только на том основании, что он не обращался с конкретным ходатайством о предоставлении ему правовой помощи. Кроме того, Комитет подчеркнул: автор был вынужден подготовить и представить свою кассационную жалобу без какой-либо правовой помощи. В этих обстоятельствах Комитет счел – государству-участнику не удалось доказать, что оно приняло необходимые меры для информирования автора о его праве быть представленным адвокатом в суде кассационной инстанции (пункт 9.3 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником права автора по пункту 3 «d» статьи 14 Пакта.

Согласно пункту 3 «а» статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. В частности, оно должно предоставить полное возмещение лицам, чьи права, гарантируемые Пактом, были нарушены. Следовательно, государство-участник обязано, среди прочего, принять соответствующие меры для того, чтобы предоставить автору надлежащую компенсацию. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем (пункт 11 Соображений).

право на справедливое судебное разбирательство (право допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, выступающих против него)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48364/11 «*Проскурников против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 1 сентября 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство. Заявитель жаловался на то, что в нарушение требования справедливого судебного разбирательства, изложенного в статье 6 Конвенции, суд первой инстанции отказался назначить независимого судебного эксперта и опирался на заключение сотрудника милиции, который ранее принимал участие в аудиторской проверке, приведшей к вынесению заявителю обвинительного приговора.

Суд повторил: «основополагающим аспектом права на справедливое судебное разбирательство является то, что уголовное судопроизводство

должно быть состязательным; должно быть равноправие сторон обвинения и защиты, что требует «справедливого баланса» между ними: каждой стороне должна быть предоставлена достаточная возможность изложить свою позицию на условиях, которые не ставят их в невыгодное положение по сравнению с противной стороной... Совершенно очевидно, что подсудимый может иметь сомнения относительно беспристрастности эксперта, если именно его заключение фактически способствовало началу уголовного преследования... Такие опасения могут иметь определенную важность, но не являются решающими. Решающим является вопрос о том, можно ли считать сомнения объективно обоснованными» (пункт 16 постановления).

Суд, прежде всего, отметил, что заключение судебной экспертизы, подготовленное подполковником милиции К., непосредственно касалось состава преступления, в котором обвинялся заявитель. Эксперт должен был определить ущерб, причиненный якобы несанкционированным использованием заявителем средств государственного бюджета. Выводы К. были использованы судом первой инстанции при вынесении обвинительного приговора по делу заявителя. Апелляционный суд также сослался на эти выводы, оставив обвинительный приговор заявителя в силе. Таким образом, Суд отклонил довод властей о том, что заключение не имело решающего значения при вынесении обвинительного приговора, и приступил к рассмотрению вопроса о том, находился ли заявитель в равных условиях со стороной обвинения в соответствии с принципом равноправия сторон (пункт 17 постановления).

Изучив представленные сторонами материалы, Суд счел, что в настоящем деле принцип равноправия сторон не был соблюден. По его мнению, сомнения заявителя в беспристрастности К. были объективно оправданы (пункт 18 постановления).

Суд принял во внимание следующее – К. не была назначенным судом судебным экспертом *stricto sensu*¹⁵. Она была сотрудником правоохранительных органов, проводившим проверку профессиональной деятельности заявителя, и именно ее выводы послужили основанием для предъявления заявителю обвинений. По инициативе следователя К. также подготовила заключение судебной экспертизы, которое было использовано органами прокуратуры в качестве доказательства вины заявителя. Заявитель не мог оспорить назначение К. следователем, сформулировать вопросы, которые должны быть заданы непосредственно ей, или предложить другого эксперта. При таких обстоятельствах Суд не смог не прийти к выводу о том, что отчет, подготовленный К., был больше похож на доказательства вины заявителя, которые использовались органами прокуратуры, а не на «нейтральное» или «независимое» экспертное заключение (пункт 19 постановления).

¹⁵ В строгом смысле (лат).

Суд также отметил, что заявитель пытался получить альтернативное заключение судебной экспертизы в ходе судебного разбирательства, но безуспешно. Суд первой инстанции попросту отклонил его ходатайство, отметив, что назначение еще одной судебной экспертизы представляется нецелесообразным. Суд апелляционной инстанции не сделал ничего для исправления этого упущения со стороны суда первой инстанции. При рассмотрении дела заявителя он просто повторил выводы: вина заявителя была установлена на основании доказательств, в том числе заключения, подготовленного К. Даже если, как утверждали власти, суд первой инстанции допросил К. в присутствии заявителя, и заявитель имел возможность задать ей вопросы, Суд счел, что этой меры недостаточно для вывода о том, что заявителю была предоставлена возможность изложить свою позицию по делу в условиях, которые не ставили его в невыгодное положение по сравнению со стороной обвинения (пункт 20 постановления).

Принимая во внимание вышеизложенное, Суд пришел к выводу, что разбирательство в отношении заявителя в целом было несправедливым. Заявитель не мог оспорить заключение судебной экспертизы, представленное стороной обвинения. В результате он был лишен возможности представить аргументы в свою защиту на тех же условиях, что и сторона обвинения. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.